

Сурок, едва заведя, что А Цзю сделал еще один шаг вперед, в ужасе рухнул на колени, моля о пощаде. Его голос срывался на всхлипы, перемежаясь с подозрительным шмыганьем носа.

А Цзю стоял к остальным спиной, несколько мгновений глядя на Сурка тяжелым, мрачным взглядом. Затем, вернув лицу привычное бесстрашие, он обернулся к Наставнику, ожидая его решения.

В этот самый момент Сурок, который только что сжимался в комок, дрожа и утыкаясь лбом в землю, внезапно дернул правой рукой. Из рукава выскользнул пакетик с порошком. Не глядя, он швырнул его в сторону А Цзю и, не теряя ни секунды, рванулся прочь, перепрыгивая через невысокую стену. Однако А Цзю, прекрасно знавший повадки этого типа, был начеку. Он взмахнул рукой, и мощный поток воздуха отбросил облако порошка обратно. Сурок, находившийся в этот момент в прыжке, камнем рухнул на землю. Не прошло и нескольких мгновений, как из его глаз, ушей, носа и рта потекла черная кровь.

Сурок дрожащими руками попытался достать из-за пазухи противоядие, но А Цзю наступил ему на ладонь. В конце концов, уставившись в пустоту маленькими глазками, Сурок испустил дух. Всю жизнь он крутился на окраинах Демонической секты, славясь своей беспринципностью и умением подлизываться к сильным, и с таким трудом дослужился до должности мелкого управляющего. Он-то думал, что провернет легкое дельце и получит награду, а в итоге погиб от собственного же яда.

На этом сегодняшние события временно завершились. Группу разместили в доме старосты. Линху Фэн, проделавший за день долгий путь, выбился из сил. А Цзю приготовил постель и велел Линху Фэну отдохнуть. Лоу Цинкун было попытался нагло пробраться в кровать к Наставнику, но А Цзю решительно перехватил его и отправил на кровать к старому старосте, заявив, что так будет удобнее ухаживать за ранеными.

Лоу Цинкун еще никогда так не жалел, что получил ранение в столь неудачный момент! Он с таким обиженным видом поглядывал на Наставника, что Линху Фэн даже заподозрил, не повредился ли главный герой рассудком.

Засыпая, Линху Фэн не мог не признать, что выражение лица этого парня — смесь суровой мужской красоты и капризов обиженной невестки — было ему даже по душе. Он уже почти согласился оставить Лоу Цинкуна при себе, ведь тот клятвенно обещал не шуметь, но тут, словно призрак, возник А Цзю, схватил Лоу Цинкуна за шиворот и отправил прямоком на кровать к старосте.

На следующее утро, еще до рассвета, старый староста, придя в себя, уже не смог оставаться в постели. Несмотря на внутренние травмы, он настоял на том, чтобы помочь односельчанам предать тела усопших земле. Как он мог спокойно лежать, зная, что его соседи брошены под открытым небом?

Лю Шия пыталась его отговорить, но, зная упрямый нрав отца, сдалась. Ей оставалось лишь поддерживать его, чтобы он выполнял самую легкую работу, пока она сама занялась

переноской тел.

Лю Шия была совсем юной, и до сих пор жила в абсолютной чистоте. Хотя она много лет училась боевым искусствам, впервые ее меч обагрился кровью лишь вчера. И теперь этой нежной девушке приходилось переносить окоченевшие, изуродованные тела с искаженными от боли лицами. Даже зная этих людей при жизни, она чувствовала, как кровь стынет в жилах.

Лю Шия застыла на месте, не в силах прикоснуться к телам. В конце концов, А Цзю взял эту работу на себя. Лю Шия, разумеется, по своей наивности сочла, что белоснежный господин проявляет к ней внимание и заботу. В ее простом представлении, такая деликатность — это верный признак тайной симпатии.

Когда забрезжил рассвет, жители деревни, прошедшие бессонную ночь в горах, вернулись и увидели на главной площади ряды тел своих близких.

Старый староста сидел на земле, вытирая окровавленные лица и одежду односельчан. Если тело было изувечено, он старательно подбирал фрагменты и аккуратно укладывал их рядом. Даже тяжелораненый Лоу Цинкун помогал чем мог. А Линху Фэн в своих белых одеждах опустился на колени рядом с останками и с предельной серьезностью сшивал раны иглой.

В этих краях верили: если тело умершего не будет целым, это помешает его перерождению.

Линху Фэн мог без колебаний отнять жизнь, мог хладнокровно наблюдать за надвигающейся катастрофой, слыя безжалостным и бессердечным человеком. Но при этом он уважал саму жизнь и никогда не убивал без веской причины, лишь ради прихоти. Он не считал себя выше других и не воспринимал окружающих как неких игровых персонажей, которыми можно помыкать.

Глядя на разоренную пожаром деревню, женщины, спотыкаясь и падая, бросались к телам родных, заливаясь горячими слезами. Даже мужчины не могли сдержать рыданий.

Среди толпы стоял Лао Байвэй. Весь вечер он метался между тревогой за изменение сюжета и раздражением от шума односельчан, прятавшихся в пещере. Сейчас он застыл, глядя на окровавленные трупы, оторванные конечности и темные пятна внутренностей на земле.

Там, где еще вчера было чисто, теперь расплывались багровые лужи. Тяжелый запах крови напоминал Лао Байвэю о реальности происходящего. Ему показалось, что от земли к его ногам потянулся ледяной холод, пронзивший позвоночник и ударивший в голову. В ужасе, словно крыса, которую жарят на огне, он вскочил и взобрался на дерево. Люди рядом лишь мельком взглянули на него и снова уткнулись в свои слезы.

До попадания в этот мир Лао Байвэй был трусливым слабаком. Его амбициозные планы убить главного героя и отобрать его судьбу казались ему лишь игрой, прохождением квеста. Убийство виделось делом пустяковым. С самого начала он так и не смог влиться в этот мир,

подсознательно считая его игрой, где он — единственный настоящий игрок, а все остальные, включая его прекрасного Наставника, не заслуживают ни уважения, ни страха.

Именно поэтому он без раздумий прыгнул с обрыва вслед за главным героем. Поэтому при первой же встрече с Линху Фэном он без стеснения выразил свое вожделение. Поэтому он принимал заботу А Цзю как должное, не испытывая ни капли благодарности. Поэтому он вымещал на Лоу Цинкуне всю свою злобу на жизнь и неуверенность в себе. Поэтому он так легко и пошло называл Линху Фэна красавцем-наставником и плел интриги о чувствах Лоу Цинкуна. И, наконец, поэтому он без колебаний бросил старосту, который так радушно его принял...

Это состояние можно было назвать синдромом попаданца. Лао Байвэй же, будучи человеком легкомысленным, мелочным и злопамятным, не имел мужества для реальных действий. Он лишь копил обиды, лелеял их, становясь всё мрачнее, и в глубине души проклинал всех, не решаясь даже высказать это в лицо.

Но теперь, столкнувшись с морем крови и расчлененными телами, он очнулся от своих эгоцентричных фантазий и впервые познал страх.

Перед лицом смерти каждый осознает, насколько он ничтожен и хрупок.

Разум Лао Байвэя был на грани краха. Человек, который был уверен в своей исключительности, внезапно осознал, что он — лишь жалкий муравей. Это было крушение его мира.

В этой мрачной картине выделялась фигура Линху Фэна. Несмотря на то, что его одежды были испачканы кровью и грязью, а распущенные волосы спутались, его холодное, безмятежное лицо внушало доверие. В его сосредоточенном взгляде, с которым он сшивал останки, не было безразличности — только искреннее участие. Рядом с ним хотелось искать защиты.

Лао Байвэй, глядя на коленопреклоненного мужчину, обрел фокус. В его глазах вспыхнул фанатичный, болезненный блеск. Он спрыгнул с дерева и направился прямо к Линху Фэну.

Теперь, когда его психика рушилась, он видел в Линху Фэне — сильнейшем мастере этого мира — свою последнюю соломинку. Он вцепится в нее любой ценой. Если кто-то встанет у него на пути, он будет убивать без жалости. Любого, кто попытается отнять у него эту соломинку, он готов был растерзать.

Лю Шия, помогавшая Линху Фэну, внезапно почувствовала, как по спине пробежал холодок, словно ее буравил взглядом хищный зверь. Обернувшись, она увидела приближающегося мужчину в красно-коричневых одеждах с мечом на поясе. Его взгляд был полон такой ярости, что она невольно вздрогнула. Она хотела остаться рядом с Линху Фэном, но, не выдержав этого злобного взгляда, поспешила к старосте.

Она ошибалась: Лао Байвэй ненавидел ее вовсе не за то, что она мешала. Он видел, как она с обожанием смотрит на Линху Фэна, и рука его раз за разом тянулась к рукояти меча. В его воображении эта женщина уже была мертва.

Когда она отошла, дыхание Лао Байвэя выровнялось, а меч вернулся в ножны.

Линху Фэн чувствовал приближение, но не отвлекался. Он продолжал сшивать кожу на пальцах. Лао Байвэй подошел и опустился рядом с ним на корточки. Его взгляд был прикован к лицу Линху Фэна с пугающей сосредоточенностью, словно он был маленьким ребенком, наблюдающим за чудом.

Линху Фэн на мгновение замер, но продолжил работу. Как опытный «сотрудник», он понимал: это не безмятежность, а явный признак психического расстройства. Видимо, увиденная сегодня резня сломала его, и теперь он погрузился в новый, выдуманный мир. Линху Фэн не заботился о том, пройдет ли это, но вздохнул: пора с ним заканчивать. Очевидно, в его новом мире Линху Фэн играет важную роль. Будь он добрее, то забрал бы его в долину, чтобы сохранить жизнь. Но Линху Фэн давно забыл, что такое сострадание. Съедобно ли оно? Нет? Значит, не в счет.

Этот «пушечное мясо» был уже испорчен. Хотя мир обладал функцией самовосстановления, Линху Фэн не собирался рисковать. Он должен следовать за Лоу Цинкуном, чтобы направлять ход событий. Мир — это система, а он — оператор.

Мир не исправляется без ошибок, часто возникают отклонения — так называемый эффект бабочки.

Двое мужчин, сидящих рядом, выглядели для наблюдателей пугающе гармонично. Лоу Цинкун, раненый в спину и живот, с трудом помогал собирать тела. Когда вернулись остальные, они узнали о его подвигах и окружили его, выражая благодарность. Лоу Цинкун, чья натура была благородной, но отнюдь не наивной, охотно болтал с пострадавшими. В какой-то момент разговор зашел о Наставнике, появившемся в последний момент. Лоу Цинкун обернулся и увидел, что Лао Байвэй сидит рядом с Наставником, опасно близко!

Вспомнив признание Лао Байвэя о его вожделении к Наставнику, Лоу Цинкун вспыхнул от гнева. Но, заметив, что Наставник не отталкивает Лао Байвэя, как делал это раньше, он замер.

Лоу Цинкун напрягся, собираясь вскочить и отпихнуть наглеца, но, вспомнив о своих собственных чувствах, поник, словно побитый пес, и остался сидеть на месте.

<http://bllate.org/book/21694/2237555>